

СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVIII – нач. XX вв.)

И.Т. МАРЗОВЕВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник СОИГСИ

На протяжении многих веков на Северном Кавказе складывалась и развивалась особая система межэтнического общения, содержание которого составляли не только спорадические и постоянные контакты, но и глубокое этнокультурное взаимопроникновение.

Как правило, в установлении межэтнических контактов участвует не весь этнос, а его представители, происходит общение отдельных групп контактирующих народов. На Северном Кавказе основными участниками межэтнического взаимодействия в XVIII — начале XX вв. были этнические элиты, т.е. феодальная знать. Исследование межэтнического общения феодальных сословий представляет особый интерес, так как исторический опыт свидетельствует об их мощном позитивном потенциале для стабилизации добрососедских отношений.

Современные экономические и политические элиты народов Северного Кавказа также играют важную роль в межнациональных отношениях. К сожалению, в последние годы национальные элиты зачастую проявляют неспособность к цивилизованному диалогу. Между тем современная этнополити-

ческая ситуация на Северном Кавказе характеризуется наличием ряда конфликтных узлов и слабостью интеграционных механизмов. Это вызывает необходимость научного осмысления закономерностей коммуникационных процессов, природы и механизмов их динамики и особенно актуализирует изучение исторического опыта межэтнического взаимодействия в регионе.

В системе взаимодействия этнических элит выделяются политические, экономические, культурно-бытовые и родственные контакты, особенно активно проявлявшиеся между Осетией, Кабардой и Балкарией.

Белградский договор дал Кабарде возможность укрепить и расширить свое политическое влияние среди горских народов Северного Кавказа (15, л. 23) Российское правительство, по видимому, поощряло добрососедские отношения между ними. В частности, за установление контактов с осетинами, «живущими на дороге в Грузию», малокабардинскому князю Асланбеку Таусултанову было определено «ежегодное пожалование» (24, с. 114).

Экономические контакты между осетинами и кабардинцами были отмечены многими авторами. Астраханский губернатор Н.А. Бекетов в 1768 году указывал на «экономическую зависимость, которая периодически наступала для осетин от кабардинских владельцев». Он отмечал, что наряду со стремлением кабардинских князей подчинить Осетию, между осетинами и кабардинцами развивалось хозяйственное сотрудничество (23, с.418). Отмечая взаимовыгодность такого сотрудничества, Г.-Ю. Клапрот писал: «Когда зимний фураж у них (осетин — И.М.) истощается, они отправляют свои стада овец на равнины Малой Кабарды, которые в конце марта уже покрыты травой, тогда как горы уже лишены растительности. В течение лета черкесы вынуждены, в свою очередь, выводить свои стада из равнины, где все выжжено и где их мучают слепни и комары, и отправляют в горы к дигорцам» (20, с.154). По его мнению, оба народа тесно связаны друг с другом и живут между собой в дружбе, так как взаимно нуждаются друг в друге.

Кучук-Кайнарджийский договор (ст. 21) ликвидировал так «нейтралитет» Кабарды. В рапорте астраханского губернатора сказано: «Как Кабарда почитает осетинский народ своим подданным, то и оный, с ней соединенный, подлежит к здешней стороне» (23, с. 418).

Как известно, в 1774 году основная часть Осетии вошла в состав Российского государства. (35, с. 136-137). В январе 1827 года балкарские и дигорские феодалы подали командующему русскими войсками генерал-лейтенанту Эммануэлю совместное прошение о принятии их в русское подданство. Они просили привести их народы к присяге, выражали готовность отдавать детей

своих в аманаты. Прошение подписали с осетинской стороны Касай Кубатиев, Давлетуко Абисалов, Бинагер Карабугаев, Созо Савагов (Кобегкаев — И.М.), Татархан Туганов, а с балкарской — Арслан-Аджи Жанхотов, Кельмамбет Баймурзов, Магомет Шакманов, Мурзакул Урусбиев (51, с.18).

С момента занятия Северо-Кавказской равнины, кабардинские феодалы оказывали влияние на социальную жизнь осетинских феодалов, предоставляя им, в случае необходимости, вооруженную помощь, а также передавая им в потомственную собственность землю на предгорной равнине (39, с.47). Освоение осетинами предгорных земель оживляло контакты с кабардинцами.

Кабардинские князья как более влиятельная сила часто выступали в качестве свидетелей по вопросам происхождения какой-либо фамилии. В 1853 году князь Большой Кабарды засвидетельствовали, что куртатинские фамилии Есиевых и Тезиевых принадлежат к привилегированному сословию в Куртатинском обществе. Документ подписан Председателем Кабардинского Суда подполковником князем Касаевым, штабс-ротмистром князем Докшукиным, поручиком князем Кайтуко Хамурзиным, корнетом князем Кази Хамурзиным (13, л.15).

Подобная судебная практика, когда в качестве медиатора приглашались представители соседних обществ и народов, была широко распространена на Северном Кавказе (3, л.22), в результате чего у осетин, кабардинцев и балкарцев сложилась единая схема судебных дел. А.М. Шегрен отмечал, что «если при первой крови виновная фамилия должна просить мир, и если убийца не довольно богат, вся фамилия сложит деньги для заплаты крови. Но когда

уже целая фамилия одна против другой восстали, не те, с которой стороны первое учинено убийство, а та, которая слабее, ищет мира. При таких случаях в Дугор приезжают кабардинские князья для примирения» (25, с.35).

В 1715 году дигорский баделят Сафар-Али Каражаев и известный политический деятель начала XVIII века Асланбек Кайтукин были свидетелями при определении границ владений балкарского таубия Исмаила Урусбиева (21, с.50).

Из-за нестабильности политической обстановки на Северном Кавказе в XVIII в. развитие хозяйственных отношений и торговли в Северной Осетии, Кабарде и Балкарии шло медленными темпами. По сведениям, оставленным нам многочисленными путешественниками и исследователями быта народов Северного Кавказа, мы можем судить о развитии отраслей хозяйства у означенных народов.

Наиболее развитой отраслью хозяйства народов Северного Кавказа в XVIII веке являлось скотоводство. Скот был основным мерилем стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, пени за кровь и т.д. (42, с.46).

Общей для осетинских и кабардинских феодалов была форма эксплуатации зависимого населения, применявшаяся в скотоводстве и заключавшаяся в передаче скота на выпас неимущим крестьянам. У осетин она обозначалась термином афстау, у кабардинцев — ортак (31, с.126).

В Осетии важными отраслями обрабатывающей промышленности были ремесла, связанные с военным делом. Многие из них становились предметом обмена. Местные мастера изготавливали разнообразные виды оружия, которые

отличались высоким для своего времени качеством и пользовались большим спросом как в Осетии, так и за ее пределами. В Дигории изготавливали и холодное оружие. По свидетельству Я. Рейнеггса, «бадиллы известны как очень способные мастера по выделыванию ружей, сабель и ножей» (47, с.60). Сохранилась шашка, подписанная по-русски «Бадилевский Ахмадхан М. 1902 г.», а по-арабски «сделал Ахмадхан Мухаммед-оглы» (27, с. 60). В Горной Осетии владели тайной производства и обработки стали, известной под названием дамасской. Из нее делали гнущиеся, как пружина, сабли, которые легко сворачивались в пружину и распрямлялись. Такая сабля стоила от 5 до 10 коров.

По данным исследователей, оружейно-ремесло существовало еще в начале XX века. Известно более 70 имен осетинских мастеров оружейного и серебряного дела, работавших во второй половине XIX — начале XX в. (27, с.61).

В Осетии существовало и производство огнестрельного оружия, но оно не носило массового характера. Известно, что правители Дигории имели хорошие фабрики, на которых изготавливали оружие, в том числе и ружья (27, с. 64). Мастера-оружейники владели секретом изготовления самобитных осетинских пистолетов (50, с. 785).

В XVIII веке народы Северного Кавказа, в том числе кабардинцы, балкарцы и осетины, сделали большой шаг в развитии своей внешней торговли, вывозя значительную часть продукции овцеводства, коневодства, охоты и различных отраслей обрабатывающей промышленности за пределы региона.

Одним из важных источников дохода для феодалов Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX вв. являлась работоторговля. Торговали как крепостны-

ми крестьянами, так и пленниками, захваченными в набегах на сопредельные территории. А.М. Шегрен писал: «Они (дигорцы — И.М.) ездят иногда довольно большими партиями на воровство к Тагаурцам за скотом и людьми. Их они продают в Сванетии или дома для прислуги держат. Обходятся с ними впрочем, довольно хорошо, а долго в железзах держат» (56, с.40). Торговля людьми происходила чаще всего между представителями высших сословий Северной Осетии, Кабарды и Балкарии.

В редких случаях пленниками оказывались лица привилегированных сословий. Иногда родственникам таких пленников удавалось найти похищенных и освободить их от рабства, доказав их свободное или знатное происхождение. За продажу людей вольного происхождения предусматривалось наказание: «Если уздень у узденя убьет или украдет сына и продаст и не может возратить, то во удовольствие обиженному должен учинить 1-ое — отдать от себя ежели имеет сына или 2-ое — за кровь заплатить 100 скотин и еще подростка-холопа и хорошую лошадь со всем конским прибором» (31, с.154).

Несмотря на такие меры, примеры захвата лиц привилегированных сословий все-таки имели место. Так, Джамчег Кубатиев, живший во второй половине XIX века, продержал у себя в продолжении 4-х лет в качестве раба купленного им имеретинского князя Давида» (39, с. 25). Из рапорта командира Кабардинского пехотного полка майора Устимова следует, что кобанский старшина Сохуко Тулатов «взял обманом двух кабардинских князей», Идика Саланбекова и Тембота, а также четверых узденей, «без воли» (5, л. 1, 1об.). В 1843 году тагаурский алдар Гадо Тхостов отыскал в Балкарии своего

двоюродного брата Ту Тхостова, «взятого еще мальчиком в плен около Крепости Владикавказской, назад тому 20 лет, «который находился в рабстве у балкарца в деревне Хулам (2, л. 139). Путем покупки феодалы приобретали себе так называемых вторых жен, уплачивая за них двойной калым. Зачастую ими были представительницы иных, соседних, народов. Так, в 80-х годах XIX века вдова Налкуда Дзаниукова — холопка Джанхота Елоева, по освобождении от крепостной зависимости была выдана в качестве второй жены замуж в поселок Текаевский за Амерхана Дзаниукова, «причем, имела двух незаконнорожденных сыновей» (7, л. 4). Иногда случалось, что пленные или купленные женщины давали начало новым, самостоятельным родам, как это произошло с холопкой Давлет-Гирея Елоева — пленницей Хаджыкыз, «чеченкой по рождению», которая положила начало осетинской фамилии Хаджиказовых (39, с.25).

Одним из главных предметов торгова между феодалами Северной Осетии, Кабарды и Балкарии в этот период являлась земля, ценившаяся, особенно в горах, очень дорого.

В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский отмечали, что земля в Балкарии ценится даже дороже, чем в Горной Осетии, «где клочок земли, на котором может стоять бык, стоит быка» (43, с.548). Некоторым осетинским феодалам удалось купить землю у кабардинских князей на плоскости, в предгорных районах. Чаще всего стоимость земли оценивалась рабами. Каражаевы приобрели 800 десятин у кабардинских князей Анзоровых, с позволения Таусултановых, за 20 душ мужского пола (12, л.54). Бек-Мурза и Иналук Кубатиевы купили у Таусултановых земли под селения Кубатиево,

Фадау и Карагач, заплатив за это 15 душ (28, с.38-39).

Земля у горцев служила не только предметом купли-продажи, но и аренды.

Для изолированных в горных ущельях осетинских обществ, торговые связи с Кабардой имели особенное значение, так как Кабарда в XVIII–XIX вв. вела оживленную торговлю с Россией, Крымом, Турцией. Немалое влияние и здесь оказывало географическое расположение того или иного общества.

Так, по мнению Б.В. Скитского, «особенно выгодным было расположение земель тагиатов, владевших главным путем, связывающим Северный Кавказ с Закавказьем, — Дарьяльским ущельем, а также дигорцев, связанных с Закавказьем и Кабардой. Получаемые ими доходы содействовали, во-первых, усилению их феодального влияния в обществе, и, во-вторых, — тому, что они сравнительно долго удерживали свои феодальные привилегии» (48, с.294).

К важным результатам хозяйственных и торговых отношений представителей привилегированных сословий Северной Осетии, Кабарды и Балкарии в XVIII — нач. XX вв. можно отнести стабилизацию политических отношений между народами Северного Кавказа, развитие всех отраслей сельского хозяйства, ремесленного производства и художественных промыслов, а так же торговли. В то же время в процессе экономической интеграции активное участие принимали и представители других сословий этих народов.

Экономические, политические и культурные связи осетинских, балкарских и кабардинских феодалов неизбежно оказывали влияние и на духовную жизнь. Большинство исследователей склонны

считать, что ислам в Осетию проник в первую очередь из Кабарды. Г.Д. Чиковани относил распространение ислама в Осетии к XII–XIII вв. (54, с.36), А.Х. Магомедов — к XIII–XIV вв. (40, с.40).

По свидетельству В. Багратиони, осетины в сер. XVIII столетия «распались на два лагеря: христиан и мусульман» (55, с.17). «Магомеданская пропаганда, конечно, проникла тогда и до Осетии, в те части её, которые находились в зависимости от кабардинских князей, и действительно приняли магомеданство, вероятно, уже в XVI или в продолжении XVII века, так как с тех пор осетины, даже христиане, стали давать своим детям магомеданские имена», писал В.Б. Пфаф (46, с. 140).

По мнению Н.Г. Волковой, одним из факторов, влиявших на развитие этнокультурных контактов в первой половине XIX в., являлся всё более активизировавшийся процесс исламизации горцев Северного Кавказа. Она приводит документ нач. XIX в., в котором отмечается большая активность кабардинских эфенди, которые «столько взяли верх над народом, что почти сделали себя самовластными... правителями их поведения... Сии эфенди, научившись в Дагестане у кумыкских татар читать и писать по-татарски, или, правильнее сказать, магомедову закону, возвращаются в Кабарду и стараются кабардинцев и горцев, то есть всякого рода асетинцев, усовершенствовать в магомеданском законе» (29, с. 174).

Ислам приняла феодальная знать не только Дигории и Тагаурии, но и других обществ Северной Осетии, в том числе и Алагирского, что подтверждается архивными документами.

Укрепление союза осетинских и кабардинских феодалов способствовало усилению гнета зависимого населения. Свое

неприятие привилегированных сословий крестьянские массы перенесли и на религию, которую исповедовали феодалы.

В.С. Толстой отмечал, что «повсюду в кавказских горах господствуют и усиливаются магометанские обычаи, по которым все слепо повинуются как в религиозном, равно и в гражданском отношении духовенству» (49, с.27).

В начале века Георгий Цаголов писал, что «население Горной Дигории, за исключением Донифарского прихода, официально числится христианским. Скорее по принуждению, чем по доброй воле, оно крестит детей, бракосочетается и погребает умерших по обрядам православия, хотя нередко бывают случаи погребения и бракосочетания и по обрядам исламизма. Но в остальном, и в домашнем своем быту, население Горной Дигории всецело придерживается предписаний Шариата...» (53, л.11).

Ислам привнес в осетинские общества некоторые инновации. В осетинских мусульманских семьях женщины имели большую социальную защищенность по сравнению с христианками. Если раньше в осетинской семье дочь не имела никаких прав на отцовское наследство (19, с.2), то по мусульманским законам ей принадлежала определенная часть из делимого имущества.

В традиционном быту осетин, как и многих других народов Кавказа, обязательным условием заключения брака был брачный выкуп «ирад». У осетин-христиан он целиком выплачивался семье невесты. По мусульманской традиции принадлежал невесте как своеобразная социальная гарантия на случай ее вдовства или развода. В результате взаимодействия обычного и исламского прав сложилась компромиссная форма разделения калыма между невестой и ее

семьей (33, с.24). Под влиянием ислама в среде осетинской аристократии, в отличие от простых сословий, сложилась традиция жениться на девушке из того же рода, к которому принадлежала его мать или бабушка. Множество таких примеров зафиксировано в архивных материалах (10, л.11), а полевой материал свидетельствует, что в этих случаях избранница происходила из другой, более отдаленной, ветви рода.

Ислам исповедовали феодалы Тагаурии — алдары, Дигории — баделята, царгасата и гагуата, а также большинство аристократических фамилий Куртатинского и Алагирского обществ. Это, несомненно, оказало немалое влияние и на принятие ислама представителями других сословий Северной Осетии.

Одним из каналов культурного взаимодействия была распространенная практика заключения межэтнических браков, о чем свидетельствуют фрагментарные свидетельства в фольклоре, письменные источники и другие этнографические материалы.

Относительно характера этнически смешанных браков Н.Г. Волкова писала: «Женщины, представительницы иного народа, привносили в быт этнически смешанной семьи свои традиции, которые, не распространяясь широко, все же, несомненно, оказывали влияние на традиционный уклад таких семей» (цит. по: 52, с.94).

С XVIII в. брачные связи осетинских феодалов с представителями социальных верхов соседских народов прослеживаются документально, о чем свидетельствует богатый архивный материал.

Жениться на девушке неравного общественного положения считалось недопустимым, «почему алдары, как общее правило, женились только на дочерях алдаров или иноплеменных княж-

нах» (37, с. 91). Адольф Берже отмечал: «Возданы крайне разборчивы в своих связях; они вступают в браки только между собою и неравенство в этом случае считается весьма унижительным» (17, с.34).

В генетических преданиях осетин, кабардинцев и балкарцев очень часто сообщается о взаимных браках представителей привилегированных классов этих народов, что подтверждается сохранившимися родословными росписями.

Наибольшее количество подобных браков у осетин приходится на феодалов Тагаурского и Дигорского обществ. Изучая историю развития феодализма в Дигории, Штедер писал о дигорских феодалах, что «путем связей и родства с кабардинцами они стремились, как и те, пользоваться правами князей, равными которым они себя почитали» (48, с. 78).

Сформировалось правило, по которому горские феодалы вступали в брак только с равными себе по происхождению. Большую ценность для исследователей представляют многочисленные родословные росписи, составленные представителями осетинских феодальных фамилий и поданные в «Комитет для разбора различных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа» в 1859 г. По этим росписям мы можем судить о том, насколько широк был круг фамилий осетин, кабардинцев, балкарцев и других народов Кавказа, охваченных межнациональными браками.

Как видно по родословным росписям, из одиннадцати фамилий тагаурских алдар, самые тесные родственные отношения с соседями поддерживала фамилия Дударовых. Особенно частыми были случаи заключения браков с кабардинскими феодалами (8, л. 289–337).

Установление брачно-родственных связей с кабардинскими феодалами

было характерно и для куртатинцев. Наиболее часто встречающиеся браки были заключены с феодалами Малой Кабарды. Особенность географического расположения Куртатинского общества его отдаленность от балкарских обществ влияли на количество заключенных брачных союзов между балкарскими таубиями и представителями знати Куртатинского общества. Подобные браки стали появляться лишь к концу XIX — нач. XX века.

Наиболее тесный характер носило общение Кабарды, Балкарии с Дигорским обществом Осетии. Дигорские феодалы не менее ревностно относились к чистоте своей крови, заключая браки в пределах своих фамилий с аристократическими фамилиями соседних обществ, а также с аристократическими фамилиями соседних народов. При заключении брака учитывалось равенство по происхождению, общественному положению и материальному благосостоянию. Исключения случались очень редко. Наибольшим количеством межэтнических браков отличалась фамилия дигорских баделят Кубатиевых.

Высшее сословие Стур-Дигории — царгасата также роднились между собой, женились на девушках из семей баделят, кабардинских и балкарских феодалов (32, с.194). Как отмечали кабардинские князья Магомет Атажукин и Адиль-Гирей Гиляксанов в 1743 году, «между собою женятся дюгоры и сюр-дигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях» (42, с.32).

Устанавливавшиеся родственные связи какой-либо семьи с представителями кабардинской или балкарской аристократии не были единичными. Зачастую первый подобный брак служил предшествованием для второго и т.д.

У феодалов Донифарсского общества Дигории — гагуат — превалировали браки с балкарскими княжескими фамилиями, благодаря близкому соседству с Балкарским обществом, тесным культурным и бытовым контактам населения обоих ущелий.

По сведениям С.М. Броневского, браки кабардинских князей «учреждаются всегда по равенству родов: князя берут же между князьями, дворяне между дворянами и так далее. Не столько для князя, который бы взял за себя жену из дворянского дома, как княжескому роду, который бы согласился отдать невесту за дворянина, чего не бывает никогда» (18, с.125).

Нередко случалось родниться осетинским феодалам и с князьями Большой и Малой Кабарды. Так, дочь кабардинского князя Казиева была выдана замуж за тагаурского алдара Каспулата Кундухова (14, л.16); надочерималокабардинского князя Кудас Ахловой был женат первым браком Темурко Эльмурзович Дударов (1809 г.р.) (8, л.230), а его сын от второго брака Хаджи-Бекир (1841 г.р.) стал мужем Ахловой Гошнаны Казиевны (11, л.76); на княжне Мударовой был женат Хату Тотикович Шанаев (11, л.197); родоначальник фамилии куртатинских таубиев Кариаевых был женат на дочери Чехмата Ахлова — Кыз (8, л.118); а его родственник Забол был зятем Ахлоу Ахлова (9, л.2, об.3); на Ахловой был женат и алдар Каншау Шохович Мамсуров (44, с.339); женой Карабугаева Джанхота была княжна Изза Атажукина (16).

Брачные связи с аристократией Кабарды и Балкарии поднимали социальный статус осетинских феодалов, а установление родственных и дружеских отношений в среде знати влекло за собой аналогичные процессы и в среде подвластного им населения.

Мы рассмотрели родство, основанное на отношениях брака или свойственное родство. Наряду с ним, в осетинском обществе широкое распространение имели и различные формы искусственного родства. Посетивший в начале XIX века Осетию и Кабарду Г.-Ю. Клапрот, отмечал, что малокабардинские князья «Тау-Султаны посылали даже воспитывать своих детей в Истир-Дугор, и эта мера значительно укрепила их взаимную связь, так как князь становился, так сказать, членом народа и знал язык страны» (52, с.50).

Аталычество, в основной его форме, было известно всем народам Северного Кавказа. Различными были лишь названия воспитанника и воспитателя. У кабардинцев и осетин Тагаурского и Алагирского ущелий воспитанник назывался «хъан», а у осетин Дигорского и Куртатинского ущелий и балкарцев — «емчег» (38, с.173). Особенно примечательно то, что оба термина являются тюркскими, причем первое переводится как «кровь», а второе как «сосец». Термин «аталык», что значит — воспитатель — тоже тюркский, в основе которого лежит «ата» — отец (38, с.173). Специальным термином искусственного родства — «дыджыза мад» — обозначалась жена воспитателя или аталыка (32, с.129, 452).

Как свидетельствуют М.М. Ковалевский и М.К. Абаев, при установлении родственных отношений путем аталычества князья дарили воспитателям своих детей земельные участки, а последние за это должны были оказывать князю всевозможные услуги, называемые «эмчекской податью» (45, с.50).

В отличие от Осетии и Кабарды, «в XIX веке эмчекские повинности в Балкарии переходили по наследству. Земля, полученная аталыком от эмчека,

находилась у него условном владении. Если аталык отказывался нести эмчекские повинности, то эмчек отбирал землю назад» (26, с.132).

Наряду с мальчиками, на воспитание отдавали и девочек, которых «с малых лет знакомили с правилами этикета, учили умению вести домашнее хозяйство, шить, вязать, готовить» (34, с.475). Осетины, воспитывавшиеся в Кабарде или Балкарии, овладевали также кабардинским или балкарским языком, тонкостями этикета, арабской грамотой, основами ислама.

Нередко аталыками становились и осетинские феодалы, стремившиеся сблизиться с семьей князя. В архивных документах зафиксировано несколько подобных фактов. Один из них, датированный 1761 г., указывает, что Кайтуко Кайсинов, племянник генерал-майора Эльмурзы Черкасского, воспитывался у осетина Султана Баева (5, л.106). Аталыком жены Бек-Мурзы Атажукина и двоюродной сестры штабс-ротмистра Иналова — Жан — был майор Абисалов (1854 г.) (4, л. 200). Тагаурский алдар Кургоко Шанаев был воспитателем Султанбека Атажукина (1842 г.) (2, л.15). Аталыком Хаджи-Магомета Белгорокова из Малой Кабарды являлся дигорец Кубати Каражаев (1848 г.р.) (1, л.3).

Кроме материальных благ аталык получал со стороны рода своего воспитанника самое главное — покровительство и защиту от обидчиков. Семьи, связавшие себя аталыческими отношениями, выступали друг за друга в качестве кровомстителей.

Нередки были случаи, когда одна семья воспитывала представителей нескольких поколений другой семьи, с которой она состояла в родстве, основанном на аталыческих взаимоотношениях. Иногда аталыческие связи устанавлива-

лись и между равными по положению феодалами. В редких случаях кабардинские князья сами становились аталыками вассалов как своего, так и соседних народов. Джантемир Шанаев писал об этом: «... сами же князья на воспитание к себе посторонних детей не берут, исключая весьма редкие случаи, а именно — в знак особенного своего благоволения к уроку, или призирают у себя в доме сирот своих аталыков» (25, с.5). Барон К.Ф. Сталь отмечал: «Замечательно, что князь может отдать свое дитя на воспитание узденю, но сам не может воспитать у себя иначе, как княжеское дитя» (24, с.15). О подобном случае говорится в предании о происхождении рода тагаурских алдар Шанаевых (55, с.35–38): родоначальник этой фамилии являлся воспитанником кабардинских князей Докшукиных, с которыми у Шанаевых родственные связи продолжались на протяжении нескольких столетий. В 1860 году алдар Кудаберд Шанаев засвидетельствовал, что, будучи мальчиком, «находился для обучения кабардинскому языку у князя Магомета Докшукина» (6, л.55).

Истории известно немало примеров, когда именно благодаря этому древнему обычаю кровникам удавалось примириться, так как «родство», установившееся через аталычество, считалось священнее природного» (22, с.252).

Побратимами могли стать не только отдельные люди, но и целые фамилии. У осетин родственные общности, объединявшие потомков одного прародителя, назывались «арвадалта» (30, с.17). «Фамилии «арвадалта», за редким исключением, имели кровное родство, происходили от общего предка. В редких случаях фамилии разного происхождения становились «арвадалта» в силу тех или

иных обстоятельств» (41, с.144), так, что на сегодняшний день «арвадалта», в основном, являются искусственными образованиями. Поводом для обратимства могло послужить заключение брака между представителями этих фамилий (32, с.29). Другой причиной могла быть кровная месть. Преследуемая фамилия искала убежища и часто находила покровительство у более сильных фамилий. Родственные отношения фамилий, связанных узами аталычества или другими видами искусственного родства, считались настолько, что браки между их представителями не допускались.

Искусственное родство у народов Северной Осетии, Кабарды и Балкарии играло важную политическую, экономическую и культурную роль как внутри своего народа, так и в отношениях с соседями. Заключаемые феодалами факты искусственного родства со своими вассалами усиливали их влияние. И, наоборот, человек, породнившийся с сильной влиятельной фамилией, получал с ее стороны защиту и покровительство. «В лице кана род аталыка приобретал мощную защиту. Ответственный вес воспитателя становился несравненно выше влияния равного с ним по статусу лица, но не имевшего таких связей» (32, с.29). Установление какой бы то ни было формы искусственного родства служило средством примирения кровников. В отличие от Осетии и Балкарии, в Кабарде крестьяне могли, с помощью установления аталыческих отношений с феодалом, изменить свое социальное положение: так, азаты (крестьяне) использовали аталыческое родство для повышения своего социального статуса и таким образом переходили в низшую категорию дворян (36, с.389). Кроме всего этого, вос-

питав сына знатного господина, аталык получал еще и солидное материальное вознаграждение от родителей своего воспитанника.

Роль, которую искусственное родство сыграло в установлении добрососедских отношений феодальных сословий Северной Осетии, Кабарды и Балкарии в означенный период, была очень высока. Во-первых, институт искусственного родства осетин, кабардинцев и балкарцев функционировал как один из путей к примирению кровников. Во-вторых, искусственное родство использовалось как инструмент для достижения большей социальной значимости в обществе. В-третьих, искусственное родство часто использовалось и как средство достижения политической власти. Частыми были примеры породнения феодалов как со своими вассалами, так и с вассалами иноплеменной знати.

Установление родственных отношений между представителями знати Северной Осетии, Кабарды и Балкарии приводило их народы и к взаимному обогащению в области материальной и духовной культуры.

Именно аристократия являлась законодателем и ревностным хранителем традиционных общественных институтов у всех народов Северного Кавказа. Этническая элита была самой активной и открытой сословной группой для общения с соседними народами.

Проживание на сопредельной территории, наличие в быту идентичных традиций, обычаев и законов, тесные родственные связи привели к созданию единого блока феодальных фамилий, принадлежавших к различным этносам, но связанных, помимо родства, еще и общими политическими, хозяйственными и культурными интересами.

Сложился мощный союз осетинской,

кабардинской и балкарской аристократии, объединенный общностью классовых интересов, необходимостью экономического сотрудничества, общими элементами материальной и духовной

культуры, а также всеми видами родства. Этот союз функционировал как особая этнокультурная общность привилегированных фамилий Осетии, Кабарды и Балкарии.

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. (далее ЦГА КБР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1735.
2. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 138.
3. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1365.
4. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1743.
5. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4372.
6. ЦГА КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 253.
7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 52. Д. 962-а.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 233. Оп. 1. Д. 10.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 20.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 29.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 8
15. Научный архив СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д. 160.
16. Информатор: Карабугаев Х.-М.Б. 1928 г.р., КЧР, г. Черкесск.
17. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992.
18. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: Типография М. Селивановского, 1823.
19. И.С. Осетины // Северный Кавказ. 1883. № 23.
20. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XVIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.
21. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Вып 3.
22. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. В 2-х т.
23. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов: в 2-х томах. Сост. проф. М.М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1984. Т.2.
24. Сталь К. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21.
25. Шанаев Дж.Т. Предание о происхождении тагаурцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.3.
26. Азаматов К.Г. Изучение истории и этнографии балкарцев в нач. XX в. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период). Нальчик: КБГУ, 1989.
27. Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф. Осетинский орнамент. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.
28. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII — XX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1980.
29. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном

- быту (XIX — нач. XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. Вопросы этнографии Кавказа. М., 1989. Вып. IX.
30. Гаглойти З.Д. Общественный быт осетин в XIX в. // Очерки по этнографии Осетии. Тбилиси, 1974. Вып. I.
31. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993.
32. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994.
33. Дзуцев Х.В., Смирнова А.С. Жизнь осетинской семьи. Этносоциологический аспект. Владикавказ, 1993.
34. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Вып. 1.
35. История Северо-Осетинской АССР. М.: Изд. Академии наук СССР, 1959.
36. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик: Эль-фа, 1994.
37. Калоев Б.А. М.М. Кавалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
38. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографические исследования. М.: Наука, 1971.
39. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе: Севосгиз, 1940.
40. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968.
41. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII — XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
42. Мамбетов Г.Х. Из истории экономического развития народов Северного Кавказа в XVIII в. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик: КБГУ, 1989.
43. Миллер В.Ф., Ковалевский М.М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1884. Т. 2. Кн. 4.
44. Мусукаев А.И. Века родословий. Нальчик: Эль-фа, 1997.
45. Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
46. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5.
47. Рейнеггс Я. Всеобщее историко-географическое описание Кавказа // Аствацатурян Э. Оружие народов Кавказа. История оружия. М.-Нальчик: Хоббикнига — Эль-фа, 1995.
48. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // ИСОНИИ. Дзауджикау, 1947. Т. 9.
49. Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.
50. Тотоев Ф.В. Развитие домашних промыслов и ремесла в Северной Осетии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
51. Туганов Р.У. К вопросу о русско-балкарских отношениях // Живая старина, № 2. Нальчик, 1992.
52. Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990.
53. Цаголов Г. Дигорские отголоски // ОРФ СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д. 152. Л.4.
54. Чиковани Г.Д. Осетинский ныхас // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. 5. Вып. 2.
55. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвали, 1993.
56. Шегрен А.М. Осетинские исследования. Владикавказ: Изд. СОГУ, 1998.